

СПАСЕНИЕ БЕЖЕЦКИХ АРХИВОВ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА ТВЕРСКОГО АРХИВНОГО БЮРО

М. В. Волкова

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)», филиал в Твери

Статья посвящена истории становления архивной службы в Бежецком уезде Тверской губернии в 1918–1923 гг.

Ключевые слова: Бежецкий уездный подотдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, Тверское архивное бюро, Бежецкая разборочная комиссия, Бежецкое уездное актохранилище (бюро).

В июле 1921 г. в Твери состоялся губернский съезд деятелей охраны памятников старины [1, л. 4–6]. На съезде с докладом «Состояние архивного дела в Тверской губернии» об организации архивной работы в послереволюционное время и о ее первых итогах выступил Вениамин Павлович Олисов [2, с. 121–131]. Свое выступление Олисов начал с характеристики бедственного положения архивов, сложившегося в результате революционных событий. Он подчеркнул, что разорение архивов в России началось еще со времени февральской революции 1917 года. В ходе революционных событий, по словам Олисова, «наступил кошмарный период в истории архивов, т. к. большинство их предавалось разгрому, хищению и уничтожению от пожаров и иных событий. <...> Редкое учреждение старого правительства оставило в это время свой архив в полной неприкосновенности. <...> Некоторые архивы оказались выброшенными из своих хранилищ на улицу как совершенно ненужный хлам. И борьбы против такого отношения к архивам в этот период у нас почти ни с чьей стороны не было. Иногда лишь Ученой архивной комиссии¹ удавалось напомнить кому следует о недопустимости такого вандализма, но с ее мнением в это время уже не считались». Олисов привел «печальный случай, бывший в Новоторжском уезде. Велико было несчастье для архивных материалов, когда вследствие налетевшего революционного урагана <...> какой-либо архив и отдельные документы из него хотя бы в виде грамот Бориса Годунова появлялись затем в мелочных лавках для завертки товаров» [1, л. 3, 5 об.].

Охрана культурного и исторического достояния страны после революции 1917 г. вошла в сферу деятельности нового органа власти — Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса), возглавляемого наркомом просвещения А. В. Луначарским. В первые месяцы после Октябрьской революции «Луначарский предпринимал усилия по сохранению художественных, культурно-исторических сокровищ и памятников, для привлечения старой интеллигенции

¹ Тверская ученая архивная комиссия (ТУАК).

на сторону советской власти» [3, с. 193]. В 1918–1919 гг. при губернских и уездных отделах народного образования создаются подотделы по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (далее — подотделы по делам музеев). К работе в отделах народного образования и подотделах по делам музеев и были привлечена та самая «старая интеллигенция»

В Тверской губернии организацией подотделов по делам музеев занимался В. П. Олисов, вернувшийся в Тверь с Западного фронта в 1918 г.¹ Он с присущей военному человеку организованностью и пунктуальностью приступил к новой работе. Сохранился опросный лист сотрудников Тверского губархива от 17 марта 1923 г., в котором Олисов записал о своей деятельности в 1919 г.: «Состоял заведующим Тверским губернским подотделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины с 1 февраля по 1 сентября 1919 г. <...> В 1919 г. организовал Тверской губернский подотдел по делам музеев с его уездными подотделами; лично выполнил работу по организации в Осташкове Художественно-исторического музея» [4, л. 40].

В Бежецком уезде секция по делам музеев была организована в марте 1919 г. Председателем секции был назначен Николай Леонидович Сверчков². «Секцией немедленно по организации были отосланы письменные просьбы по всем волостям, а также местным культурным работникам о бережном отношении и охране всех памятников, имеющих художественное или историческое значение <...> заведующим и сотрудниками-специалистами было приступлено к собиранию сведений и к осмотру исторических домов, церквей, имений, усадеб с их интерьером, надгробных плит и других памятников старины и искусства. Все обследованные памятники были описаны, обмерены и сфотографированы. Из 88 бывших помещичьих усадеб секцией обследована 41» [6, л. 15, 16]. Эту немалую работу выполняли всего два сотрудника секции. Помимо председателя в штате секции на должности сотрудника-специалиста значился настоятель бежецкой церкви Иоанна Богослова протоиерей Иоанн Николаевич Постников. Отец Иоанн писал в дневнике об этом периоде своей жизни: «Беспощадной большой революцией выкинут за борт, испытал со своей семьей в 12 человек все ужасы голода и отчаяния, и спасла только милость Божия. Гражданскою нашею властью неоднократно призван к деятельности по охране старины» [7, л. 33]. Постников имел давний опыт архивных изысканий, архивные материалы

¹ В. П. Олисов родился в 1878 г. в Осташкове, в 1910 г. окончил Московский императорский археологический институт им. Николая II (МАИ). «За защиту диссертации удостоен звания ученого-архивиста и зачислен в действительные члены Института». Помимо диссертации, имел «научные труды и исследования: „Утвержденная грамота об избрании на Московское государство М. Романова и события, предшествовавшие ее составлению“ (рукопись); „К пребыванию Ф. М. Достоевского в Твери“; „Пребывание В. Я. Короленко в Вышневолоцкой тюрьме“, журнал „Красный Архив“; доклад „Сборник XVI в. Ивана Данилова сына Беклемишева“, журнал ТУАК, 30 апреля 1912. Доклады по историческим вопросам читались на заседаниях ТУАК 1910–1914 гг.» [4, л. 40].

² Николай Леонидович Сверчков (1894–1919), сын сводной сестры поэта Н. С. Гумилева Александры Степановны Сверчковой (1869–1952).

составляли основу сюжетов многих его исторических очерков [8]. В анкете 1920 г. Постников сообщал: «Занимался в разных архивах по изысканию и обработке материалов для печатных изданий Тверской ученой архивной комиссии» [9, л. 37]. После революции 1917 г. сохранением архивов губернии занималась ТУАК и ее члены в уездных городах. В. П. Олисов отмечал, что многие архивные материалы упраздненных организаций Бежецка были уже в 1918 г. перевезены в Уездный отдел просвещения и «разбор некоторых архивов в Бежецке производится с прошлого 1918 г.» [9, л. 22]. Осенью 1919 г. Постников подготовил для Бежецкого отдела народного образования доклад «О состоянии архивов Бежецкого уезда», содержащий всесторонний обзор состояния хранившихся в городе архивов и исторический очерк архивного дела в Бежецке.

О бедственном положении архивов Бежецка после революции сообщают документы того времени. «В катастрофическом состоянии после революции оказались архивы: полицейского управления (в куче под открытым небом и сильно пострадавший от расхищения), городского самоуправления (сваленный в кучу в деревянном сарае и также пострадавший от расхищения) и уездного казначейства, помещавшийся в каменной палатке, не раз взламывавшийся, переведенный потом в помещение УОНО, но и там подвергавшийся хищению. <...> Архив канцелярии уездного воинского начальника <...> в 1918–1919 гг. полностью уничтожен распоряжением военкома <...> несколько пострадал от расхищения архив уездной земской управы <...> В угрожающем состоянии можно считать большинство архивов бывших волостных правлений уезда. Поступившие в подотдел архивы были в совершенно хаотическом состоянии. Дела разных учреждений оказались перемешанными в одной общей куче и не только по годам, но и по столетиям. Бумаги пришлось просушивать и подбирать по листам. Работа получилась очень сложная и кропотливая. Одновременно с ней производился еще и подробный осмотр бумаг с распределением их на представляющий научный интерес и не представляющий» [9, л. 26].

В. П. Олисов в письме к заведующему Бежецким уездным подотделом по делам музеев В. Е. Качалину в декабре 1919 г. просит дать подробный ответ об архивных материалах, сосредоточенных в Бежецке. В одном из сохранившихся документов сообщается о первоначально свезенных в Бежецкий подотдел по делам музеев архивах: «К означенным материалам, свезенным уже в подотдел, относятся дела следующих архивов: городнического правления с 1785 г., земского суда с 1801 г., полицейского управления с 1806 г., ремесленной управы с 1822 г., а также архивы бывшего городского самоуправления: думы, управы, магистрата и др. Но эти архивы пока еще не перевозились в указанный подотдел <...> и находятся в разных случайных для них помещениях». «Кроме того, местным Исполнительным Комитетом по сношению со мной издано уже распоряжение о доставке в Бежецк архивов из всех волостных учреждений Бежецкого уезда». В. Е. Качалин в начале 1920 г. докладывает В. П. Олисову, что «за взятием в подотдел вышеуказанных архивов — архивов беспризорных в городе не остается» [9, л. 24].

После издания Декрета Совнаркома от 1 июня 1918 г «О реорганизации и централизации архивного дела» при Наркомате просвещения РСФСР организуется Главное управление архивным делом (Главархив). В Твери в 1919 г. создается Губернский архивный фонд, в который вошли «все архивы всех правительственных учреждений, как ранее существовавшие, так и ныне существующие на территории Тверской губернии». 1 сентября 1919 г. Уполномоченным Главархива по Тверской губернии и заведующим Тверским губернским архивным бюро назначается В. П. Олисов. Одной из задач Губернского архивного фонда было осуществление централизации в Твери всех архивных материалов, находившихся в то время в городах и уездах губернии. Олисов на съезде деятелей охраны памятников старины высказывает мысль о необходимости проведения разборки архивов и учреждения для этого особых разборочных комиссий. Архивы не имели никакой организации и «представляли собой значительное количество разнообразных архивных дел, требующих специальной разборки». Разборка архивных фондов должна была заключаться в том, чтобы находящееся в хранилищах колоссальное количество дел «распределить на материал исторический, пригодный для научного его изучения, подлежащий поэтому вечному хранению, и на материал, который можно было сдать в отдел утилизации» [1, л. 3, 5]. Разборочные комиссии при непосредственном участии Олисова вслед за губернским центром были созданы в Кашине, Бежецке и затем в других городах губернии. Олисов отмечал: «Учреждение разборочных комиссий в уездных городах было одним из трудных мероприятий, произведенных в жизнь губархивом, т. к. в переживаемое ныне время найти на местах лиц, могущих по своим знаниям встать во главе разборочных комиссий, являлось очень затруднительным». Эти трудности были сопряжены не только с отсутствием специалистов в области архивоведения, но и с низкой оплатой работы архивных сотрудников: «Трудно теперь встретить людей, знакомых с делом архивоведения и способных отдать свой труд и специальные знания ради одной только любви к этому делу, т. к. получаемое ими денежное вознаграждение и продовольствие натурой совершенно не соответствуют самому скромному прожиточному минимуму» [1, л. 2, 4]. Проанализировав объем хранившихся в Бежецке и уезде архивных материалов, Олисов сообщал в коллегия Главархива: «ввиду значительности архивных фондов в Бежецке <...> разрешено мне учредить здесь разборочную комиссию, на основании сего я и вошел в сношение по этому вопросу с Бежецким уездным отделом народного образования» [9, л. 16, 24].

На заседании совета при уполномоченном Главархива по Тверской губернии, которое состоялось 7 декабря 1919 г. в здании Народного дворца <Императорский путевой дворец> в помещении канцелярии Губернского архивного фонда, было принято решение: «Все архивные материалы и другие исторические документы, находящиеся на территории Бежецкого уезда, сконцентрировать в Бежецке при уездном подотделе по делам музеев, возложив заботу по осуществлению этой меры на местный отдел народного образования, коему и поручается войти в согласие по этому вопросу со всеми волостными учрежде-

ниями <...>. По всем вопросам руководящего характера обращаться к уполномоченному Главархива по Тверской губернии». Решение это было принято и с учетом просьбы заведующего Бежецким уездным отделом народного образования «об оставлении всех архивных материалов в Бежецке для изучения по ним истории родного края <...> по хранящимся в Бежецких архивах историческим документам местными силами» [9, л.16, 16 об., 18, 18 об.].

Учитывая большое количество свезенных в начале 1919 г в Бежецкую разборочную комиссию архивов и продолжавшуюся их перевозку, Олисов просит о «необходимости иметь при Бежецкой разборочной комиссии отдельное лицо, кое ведало бы указанными архивами и вообще выполняло функцию архивариуса»: «Обращаюсь в коллегия Главархива с просьбой установить при Бежецкой разборочной комиссии одного временного сотрудника губархива (как это установлено уже при разборочной комиссии в Кашине), назначив для него оклад жалования помощника архивариуса <...> разрешить иметь при нем одного младшего служащего, предоставив на мое усмотрение выбор лиц на указанную должность» [9, л. 24].

В документе «Сведения о составе комиссии по разборке архивных фондов при Бежецком уездном отделе народного просвещения» от 15 апреля 1920 г. находим данные о специалистах в этой области, работавших в разборочной комиссии Бежецка [9, л. 37]. Председателем комиссии значился Иван Николаевич Постников, сотрудник-специалист подотдела по делам музеев, назначенный на эту должность 13 марта 1920 г. О себе Постников сообщал, что он являлся членом ТУАК и «в 1919 и 1920 гг. обследовал местные архивы по поручению подотдела по делам музеев». Должность архивариуса выполнял Арсений Васильевич Покровский, приходской священник, в прошлом слушатель Тверских историко-археологических курсов. «Занимался в архивах по поручению Тверского историко-археологического комитета как член его». Другой архивариус — Измаил Иванович Максаков, председатель школьного совета Бежецкой 2-й советской 2-й ступени школы <бывшая женская гимназия>. «Занимался в архивах в бытность свою студентом историко-филологического института и позднее, при 20-летнем преподавании истории в Бежецкой женской гимназии». Представителем отдела народного образования указан Николай Николаевич Чистяков, окончивший педагогические курсы при Петроградской Академии художеств». Таким образом, неподъемный объем работ по разборке архивов был возложен всего на трех сотрудников комиссии. Именно о таких подвижниках говорил Олисов в своем докладе на съезде: «несмотря на такие тяжелые условия службы, находятся еще люди, которые сознают, что нельзя оставить дело на произвол судьбы и отдают ему безвозмездно почти все свои силы и знания» [1, л. 4].

Сохранились ежемесячные отчеты председателя комиссии и, позднее, заведующего Бежецким актохранилищем Постникова к уполномоченному Главархива Олисову о работе Бежецкой разборочной комиссии в 1919–1923 гг. В первом отчете за май 1920 г. сообщается, что «все архивы передаются на хра-

нение из отдела по делам музеев в комиссию по разборке архивных фондов <далее комиссия> и перевозятся в ее помещение». В отчете названы перевезенные архивы: городнического правления, земского суда, полицейского управления, большей частью в связках и частью, «два воза», грудями, уездного отделения епархиального училищного совета, ремесленной управы. Среди перевезенных материалов указаны «архивы из помещичьих усадеб Евсюковых, Чернцова, Апыхтина, Штюмера и Неведомских». Сотрудники комиссии выполняли довольно сложную и кропотливую работу по составлению описей столбцов XVII века из архива помещиков Евсюковых, «трудно поддающихся чтению и требующих личной работы сотрудника-специалиста». «Работа эта почти уже закончена и на каждый столбец наложена карточка с обозначением года и сущности документа». В отчете за июль 1920 г. упоминалось о принятии 626 документов, «относящихся к именам Кожиных, Скобелевых и Евсюковых и по времени к XVIII и частью к началу XIX века» [7, л. 54].

В сентябре 1920 г. в Бежецке было создано краеведческое общество — Бежецкое научное общество по изучению истории и культуры местного края [10, с. 22–31]. Председатель Бежецкой разборочной комиссии Постников являлся одним из его основателей и активных участников. Документы разборочной комиссии свидетельствуют об участии в ее работе и других членов общества и его председателя А. И. Михайлова¹, некоторое время штатного сотрудника комиссии. «Получено по предложению комиссии согласие четырех членов научного общества <...> на участие в обследовании архивов по уезду и доставлении их в комиссию. Выданы им соответствующие полномочия» [9, л. 96].

Свезенные в комиссию архивы постепенно приводились в порядок. В отчете за октябрь 1920 г. сообщается: «разобраны по учреждениям и по годам и приведены в удобный для дальнейшей работы порядок архивы бывших Бежецкой дворянской опеки и канцелярии уездного предводителя дворянства» [9, л. 108]. Наряду с уже свезенными в комиссию архивами продолжали поступать новые материалы. В декабре 1920 г. Постников сообщал в Тверь: «Принято, перевезено в Комиссию и подготавливается к разборке 400 пудов архивных материалов правительственных учреждений и торговых предприятий, случайно оказавшихся в местном отделе утилизации». Эти 400 пудов являли собой «беспорядочную большую массу архивных материалов» и были приведены в порядок по датам и учреждениям [9, л. 145 об.].

В феврале 1921 г. сотрудники разборочной комиссии протоиерей Иоанн Постников и священник Арсений Покровский оказались перед опасностью увольнения вследствие постановления Совнаркома о порядке предоставления работы «служащим религиозного культа». Постников, предвидя свое возможное увольнение, 27 февраля 1921 г. пишет в Тверь Олисову: «Глубокоуважае-

¹ Александр Иванович Михайлов (1889–1940) окончил историко-филологический факультет Московского Императорского университета. Был женат на племяннице И. Н. Постникова М. Н. Березиной (урожд. Постниковой). *Соч.*: Очерки по истории Бежецкого края. Новгородский период. Тверь, 1924. 13 с.

мый Вениамин Павлович! <...> прошу вас не отказывать в совете и указаниях, что мне следует ответить уотнаробу¹ как лично о себе, <...> так и о священнике Покровском <...> кому и в какой срок я должен сдать свою должность и собранные архивные материалы?» Олисов в письме в Бежецкий уотнароб приводит аргументы для продолжения работы священнослужителей в комиссии: «Губернское архивное управление, согласно декрету Совнаркома, является самостоятельным и независимым учреждением, а также не входит в состав отделов губисполкома, вследствие чего и учреждаемые в уездных городах отделения губархива — разборочные комиссии — также не являются частью уотнаробов, т. к. находятся в непосредственном ведении и подчинении губархиву» [9, л. 153, 154]. Приведенные доводы возымели действие, и оба священника продолжили работу в комиссии.

Перед комиссией остро стояла проблема отсутствия надлежащего помещения как для работы специалистов, так и для хранения архивов. Постников неоднократно обращался к местным властям с просьбой о предоставлении подходящего помещения для хранения архивных фондов: делал личный доклад председателю Исполкома, неоднократно ходатайствовал пред уотнаробом, писал в адрес президиума Бежецкого исполкома 2 апреля 1920 г. В «Сведениях о Бежецкой комиссии по разборке архивных фондов» от 5 мая 1921 г. приводится описание обстановки, в которой работала комиссия. Помещение площадью 35 кв. аршин и высотой 4 аршина было снято в жилом частновладельческом доме, в помещении бывшей каменной кладовой: «Наличное помещение хранилища по своей крайней тесноте совершенно не отвечает назначению и, безусловно, требует замены другим»; «в хранилище нет освещения, телефона, воды и канализации, отопление печное и что вся площадь пола используется беспрепятственно». Адрес помещения совпадает с местом проживания Постникова. В письме в Бежецк к родственникам в 1980-е гг. старшая дочь Постникова Надежда Ивановна вспоминала, что часть архивных материалов находилась у них дома и отец проводил за их разборкой большое количество времени. Остальные архивные материалы бывших местных учреждений были «разбросаны по разным деревянным сараям, что очень опасно как в пожарном отношении, так и в смысле охраны их от порчи и расхищений». В отчетах за ноябрь 1921 г. и за февраль и март 1922 г. сообщается: «Заседаний комиссии, за неимением дров на отопление помещения и за неприбытием членов, не было» [9, л. 181, 225].

В декабре 1921 г. Постников сообщал в Тверь: «долгом считаю отметить, что отвод особого помещения, безусловно, необходим как ввиду скопления большого количества архивного материала ликвидированных учреждений и предстоящей сдачи такого материала из учреждений действующих, так и в целях охраны этого материала от порчи и расхищения». Приходилось проводить «сложную и кропотливую работу по охране разбросанных в разных местах го-

¹ Уотнароб — Уездный отдел народного образования.

рода архивных документов». Постников писал, что постоянно приходилось проверять состояние архивов земства, которые хранились в помещении совнархоза «за неимением вывезти их оттуда». Несколько раз осматривались архивы бывшего городского самоуправления в сарае при бывшем помещении музейного подотдела. Особенно много осложнений вызвала охрана архива бывшего уездного казначейства, расположенного в «каменной палатке» в городском саду. Этот архив заключал и «старые счетные книги воеводской канцелярии, имеющие очень значительную археологическую ценность». После неоднократных подломов «хранилище было опечатано и при нем установлен постоянный караул из уездной милиции» [9, л. 251].

Наконец, в июне 1922 г. Бежецкой разборочной комиссии было предоставлено помещение в подвальном этаже каменного здания параллельных отделений 2-й советской 2-й ступени школы <бывшая женская гимназия> на городской торговой площади. «В текущем июне месяце вследствие неоднократных представлений и ходатайств моих отведено наконец под хранение архивных материалов особое помещение в каменном здании, удобное и просторное, составлена и принята смета по перевозке архивов, часть средств по ней 7 000 000 руб. авансом отпущена, и перевозка архивных материалов мною производится». О масштабе скопившихся архивов свидетельствует то, что на перевозку только части их, «наиболее подвергающихся хищению», понадобилось около 50 подвод, стоимость подводы составляла 150 000 руб. «Перевезены архивы городского правления, земского суда, уездной полиции, предводителя дворянства, дворянской опеки и земских начальников» [9, л. 241, 246].

Сотрудники губернской и уездных разборочных комиссий испытывали со стороны общества непонимание их деятельности по спасению архивов. Олисов говорил на съезде о проблеме «существовавшего в массах некультурного отношения вообще к архивному делу, которое приходится не только наблюдать со стороны не понимающих этого дела лиц, но и со стороны представителей учреждений», о непонимании бежецкими властями того, что «архивы есть важное государственное дело, необходимое каждому культурному народу» [1, л. 3]. Существовала опасность массовых хищений материалов при перевозке архивов. Олисов в докладе привел пример вопиющего вандализма, происшедшего при перевозке архивных материалов в Осташкове в июле 1921 г.: «при нагрузке и разгрузке архивных дел был дневной грабеж <...> телегу обступили и милиционеры, и солдаты, и крестьяне, и каждый из них старался что-нибудь стащить. Один вырывал белую бумагу, другой тащил целую связку дел, несмотря на все протесты мои и извозчиков. Тащили даже лица, которых можно было отнести к общественным работникам. При этом сколько пришлось выслушать оскорблений и замечаний, что не ты хозяин архивов, а весь народ, архивы народное достояние, что хотим, то и сделаем с ними. После этой перевозки <...> сотрудник едва стоял на ногах и совсем потерял голос» [1, л. 6].

Тем же недопониманием деятельности комиссии, помимо трудностей послереволюционного периода, объясняются мытарства с предоставлением для ее

работы надлежащего помещения. Об условиях работы бежецких архивистов в новом помещении сообщает акт ревизии деятельности губархива по Бежецкому уезду за октябрь 1922 г.: «Работа по архивному делу возложена на сотрудника губархива по Бежецкому уезду <...> и заведующего уездным актохранилищем <И. Н. Постникова>. На нем лежат: охрана, перевозка, разборка, размещение, регистрация архивов; канцелярия и вообще занятия по архивному строительству. Жалованье за минувший месяц выдано 2150 руб., пайка с сентября не выдается». Приведена характеристика нового помещения актохранилища. «Помещение может считаться удовлетворительным, но при условии, если немедленно будут вставлены рамы и стекла, сделаны на них железные решетки и внешние ставни, если помещение, во избежание сырости подвального помещения, будет исправно отапливаться <...> Оборудование помещения шкафами, полками, столами УОНО берет на себя, но пока к этому оборудованию еще не приступлено» [9, л. 260]. В акте ставились вопросы о необходимости утверждения должности делопроизводителя актохранилища, назначения сотрудника для обследования волостных и уездных архивов и увеличения содержания сотрудников до оклада ответственных работников.

Несмотря на непригодность для работы предоставленного помещения, Бежецкая разборочная комиссия продолжала свою деятельность. В декабре 1922 г. в губархив Твери приходит отчет о ее деятельности за ноябрь. Сообщается, что актохранилище в городе одно и настоятельно нуждается в ремонте и оборудовании. Комиссия отчитывается о 33 выявленных фондах и 26 составленных карточках [9, л. 272].

С начала 1923 г. для заведующего Бежецким актохранилищем протоиерея Иоанна Постникова настали еще более трудные времена. В феврале 1923 г. он был уволен с должности заведующего уездным актохранилищем без всякого ведома заведующего губархивом. Вновь назначенные заведующие актохранилищем Бежецка В. Н. Крылов и П. Н. Благовещенский сменили один другого в течение двух месяцев и были уволены (против последнего открыто уголовное дело по месту прежней службы). Через некоторое время Постников был допущен к службе в должности «временного исполняющего обязанности заведующего актохранилищем» и с апреля 1923 г. был назначен на должность ученого секретаря Бежецкого уездного актохранилища [11, л. 5–13].

«Выписка из протокола заседания бюджетной комиссии исполкома от 17 января 1923 г. о выдаче содержания по ставке ответственных работников зав. уездным актохранилищем т. Постникову» раскрывает причину его увольнения: «По данному вопросу имеются также документы губсовнархоза и ответ губернского отдела Центрархива, взаимно противоречащие по существу законности состояния на означенной службе Постникова как служителя религиозного культа ... отказать в содержании». Выписка была отправлена в губотдел Центрархива для сведения и надлежащего исполнения. В ответном письме в Бежецкий исполком Олисов напоминает, что право службы Постникова в гу-

бархиве «было подтверждено постановлением коллегии Главархива в заседании 19 апреля 1921 г.» и настаивает на продолжении его службы [11, л. 2, 2 об.].

В марте 1923 г. зав. Губернским архивным бюро Олисов обратился в президиум Бежецкого уисполкома с просьбой «в срочном порядке сообщить ему, как разрешился вопрос о размере вознаграждения заведующему Бежецким актохранилищем губархива И. Н. Постникову <...> в последние месяцы от упомянутого сотрудника вовсе не поступало в губархбюро ежемесячных отчетов». Днем позже Олисов адресует письмо Постникову, в котором пишет: «Губернское архивное бюро настоящим предлагает вам сообщить <...> почему не предоставляете в губархбюро установленные ежемесячные отчеты о вашей деятельности по архивному строительству в уезде». Через 9 дней, 19 марта 1923 г., Постников в ответном письме отмечает «полную непригодность для каких-либо работ нового помещения актохранилища <...> никаких занятий по последнему невозможны. И работа <...> за декабрь и январь сводилась исключительно к наблюдению за сохранностью архивов». 27 марта 1923 г. Олисов вновь обратился в президиум Бежецкого уисполкома, ссылаясь на сообщение Постникова, «что помещение в г. Бежецке для актохранилища предоставлено вовсе не соответствующее своему назначению <...> представляет собой не актохранилище, а склад архивных материалов, где проводить работы по разбору архивных материалов вовсе не представляется возможности. Такое отношение к организации актохранилища при уисполкоме губ. архивное бюро считает совершенно недопустимым» [11, л. 3–7 об.].

Несмотря на увольнение, Постников был деятелен и последовательно занимался вопросом предоставления нового помещения для Бежецкого актохранилища. Он писал Олисову: «В президиуме Уисполкома мною лично был сделан словесный доклад о состоянии архивных дел в уезде и по назначению нового заведующего. Представлены особый доклад по вопросу о помещении актохранилища, смета с объяснительной запиской и подробный план работ. Все это находится в стадии рассмотрения. Предполагается, что <эти вопросы> будут разрешены в ближайшем времени» [11, л. 5 об.].

Помещение для актохранилища было выделено уисполкомом города во второй половине мая 1923 г. в здании школы 2-й ступени на Городской площади <Советская пл., 1, школа №3>. Это было здание бывшей церковно-приходской школы с ремесленными классами и приютом для детей-сирот, построенное в 1911–1913 гг. трудами отца Иоанна Постникова при его приходском храме Иоанна Богослова.

11 мая был назначен новый заведующий Бежецким актохранилищем — Платон Тарасович Страшнов [11, л. 19]. С июня 1923 г. в Тверь вновь стали поступать ежемесячные рукописные отчеты о работе Бежецкого уездного актохранилища губархива, судя по почерку, принадлежавшие И. Н. Постникову, но за подписью зав. актохранилищем П. Т. Страшнова и ученого секретаря И. Н. Постникова. В помещение Актохранилища в здании бывшей Богословской школы постепенно свозятся все архивные материалы. Сообщается, что акто-

хранилище «оборудовано не вполне». Членами разборочной комиссии в этот период состояли представитель УОНО Н. А. Богоявленский, заведующий музеем Бежецка А. И. Соколов¹ и преподаватель педагогического техникума И. И. Максаков. При актохранилище числилось в октябре 1923 г. 55 архивных фондов и библиотека, состоявшая из 16 томов и 780 книг [11, л. 71].

Последний отчет за подписью ученого секретаря Бежецкого актохранилища Постникова, написанный его рукой, датирован 24 июля 1923 г. Отчет за август 1923 г. указывал Постникова в числе сотрудников актохранилища, не имел его подписи и принадлежал по почерку зав. актохранилищем П. Т. Страшнову. Причину отсутствия подписи Постникова раскрывает письмо Олисова в от 15 сентября 1923 г. зав. Бежецким актохранилищем П. Т. Страшнову: «По вопросу об аресте ученого секретаря актохранилища И. Н. Постникова вам надлежит, выяснив предварительно причины ареста и ознакомившись со степенью виновности И. Н. Постникова, обратиться в президиум уисполкома за указанием, может ли он продолжить числиться на службе или должен быть отчислен с таковой» [11, л. 59, 59 об.].

Причину ареста и «степень виновности» протоиерея Иоанна Постникова раскрывают последние краткие строки его личного дневника: «В критический момент церковной разрухи призван окружающими в должность благочинного. И это стоило месячного тюремного заключения» [7, л. 33]. Приведенные дневниковые строки были последними записями дневника, содержащего более чем столетнюю хронику жизни священнического рода Постниковых.

Более имя И. Н. Постникова в документах Бежецкого архивного бюро не значится. Зав. губархивом Олисов был уволен по решению президиума Тверского губернского исполкома 23 февраля 1924 г. [13, л. 73].

В. П. Олисов, И. Н. Постников и их сподвижники по архивной работе своей бескорыстной подвижнической деятельностью в послереволюционные годы спасли от гибели и расхищения архивы губернии. Л. М. Сорина особо отмечает заслуги Олисова в деле организации архивного дела в губернии: «Выясняется, что случайных людей, пришедших в архивы в первые послереволюционные годы, не было. В. П. Олисов как руководитель губархива сумел привлечь к архивному делу профессионально образованных людей, истинных подвижников, своих единомышленников» [2, с. 121, 124]. В январе 1923 г. на территории Тверской губернии было 12 архивохранилищ, из них семь — в уездных городах». В период до 1925 г., как пишет О. Г. Леонтьева, «в губернские и уездные хранилища поступил основной объем документов учреждений, действовавших как до 1917 г., так и после» [14, с. 74, 75].

¹ А. И. Соколов окончил Петроградскую духовную академию в 1913 г., 5 лет состоял преподавателем Бежецкой духовной семинарии до ее закрытия в 1918 г. Работал инструктором Бежецкого УОНО по делам музеев, с 1922 г. заведующим Бежецким уездным музеем [12, л. 17].

Список источников и литературы

1. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 19. Проект постановления президиума Губисполкома об организации Губернского архивного фонда и его органов. Доклады и отчеты годовой и месячный Тверского губернского архива за 1922 год.
2. *Сорина Л. М.* Первый руководитель архивной службы Тверской области Вениамин Павлович Олисов // К истокам. Архивные сюжеты: сб. ст. Тверь: Герс, 2000. 216 с.
3. Политические деятели России 1917: биографический словарь / гл. ред. П. В. Волобуев. М.: Большая Рос. Энциклопедия, 1993. 432 с.: ил.
4. ГАТО. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 53. Список, регистрационные листы, удостоверения и заявления сотрудников Тверского губернского архивного бюро 1923 г. 122 л.
5. *Климин И. И.* Очерки по истории Бежецкого уезда Тверской губернии. Ч. 1. СПб.: Центр исторических и гуманитарных исследований «Клио», 2002. 287 с.
6. ГАТО. Ф. Р-625. Оп. Д. 52. Материалы по вопросам отделения церкви от государства. О церковных ценностях, об охране памятников искусства, старины и природы. 25 л.
7. ГАТО. Ф. Р-2724, Оп. 1. Д. 1. Дневник семьи Постниковых. 33 л.
8. Литературное и краеведческое наследие о. Иоанна Постникова. Тверь: Триада, 2011; 2012. 304 с.
9. ГАТО. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 7. Отчет о деятельности Комиссии по разборке архивных фондов в Бежецке и требовательные ведомости на выдачу зарплаты сотрудникам Бежецкого архива.
10. *Волкова М. В.* Из истории Бежецкого краеведения // Дни Л. Н. Гумилева в Бежецке: по материалам научно-познавательной конференции, Бежецк, 29-30 октября 1994 г. Бежецк: 1995. 87 с.: ил.
11. ГАТО. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 46. Доклад о состоянии архивного дела в Бежецком уезде, месячные отчеты о деятельности Бежецкого уездного архивохранилища за 1923 г., регистрационные листы на сотрудников и учетные карточки архивных фондов. 94 л.
12. ГАТО. Ф. Р-488. Оп. 5. Д. 31. Губернский отдел народного образования. Подотдел по делам музеев, охране памятников старины, искусства и природы (губмузей). Переписка с уездными отделами народного образования. 88 л.
13. ГАТО. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 70. Материалы по личному составу сотрудников губархива. 242 л.
14. *Леонтьева О. Г.* Архивы Тверской губернии в 1919-1929 гг.: формирование губернской архивной модели // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2017. № 4. С.72–84.

Об авторе

ВОЛКОВА Марина Викторовна, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», филиал в Твери